

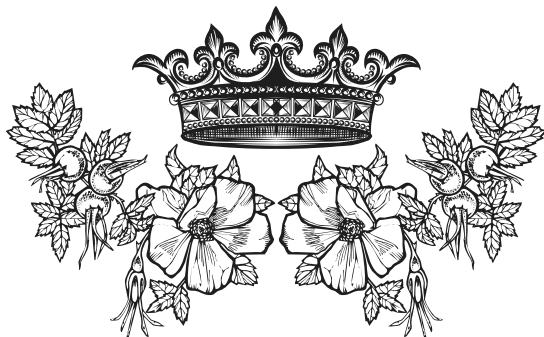

Книги серии «Королевская кровь»:

- «Королевская кровь-1. Сорванный венец»
- «Королевская кровь-2. Скрытое пламя»
- «Королевская кровь-3. Проклятый трон»
- «Королевская кровь-4. Связанные судьбы»
- «Королевская кровь-5. Медвежье солнце»
- «Королевская кровь-6. Тёмное наследие»
- «Королевская кровь-7. Огненный путь»
- «Королевская кровь-8. Расколотый мир»
- «Королевская кровь-9. Горький пепел»
- «Королевская кровь-10. Стальные небеса»
- «КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ-11. ЧУЖИЕ БОГИ»
- «Королевская кровь-12» (планируется к выходу)
- «Королевская кровь-13» (планируется к выходу)

Ирина Котова

КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ

Мужие боги

Книга одиннадцатая

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
К73

Котова, И.

К73 Королевская кровь-11. Чужие боги / И. Котова; ил. В. Акулич, А. Ларюшиной, Е. Метлиновой, Я. Кшановской, А. Цой, Н. Зуенко. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. – 572 с.: ил. – (Терра Котовой).

ISBN 978-5-517-11484-6

Иногда самое сложное перед бурей — это ожидание.

В двух мирах ждут открытия последних межмировых врат. Ждут боги-захватчики и их армии — чтобы всей мощью обрушиться на Туру. Слабеющие боги Туры ждут своего брата, без которого планету постигнут катастрофические изменения. Ждет и королева Василина, не закрывая последний портал в Рудлоге, — потому что, закрыв его, можно навсегда отрезать путь младшей сестре и изгнанному богу.

Ждать — очень сложно. Еще сложнее жертвовать — потомками, любовью и жизнью. Но кому-то ради спасения Туры придется делать и это.

BIC FM
BISAC FIC009000

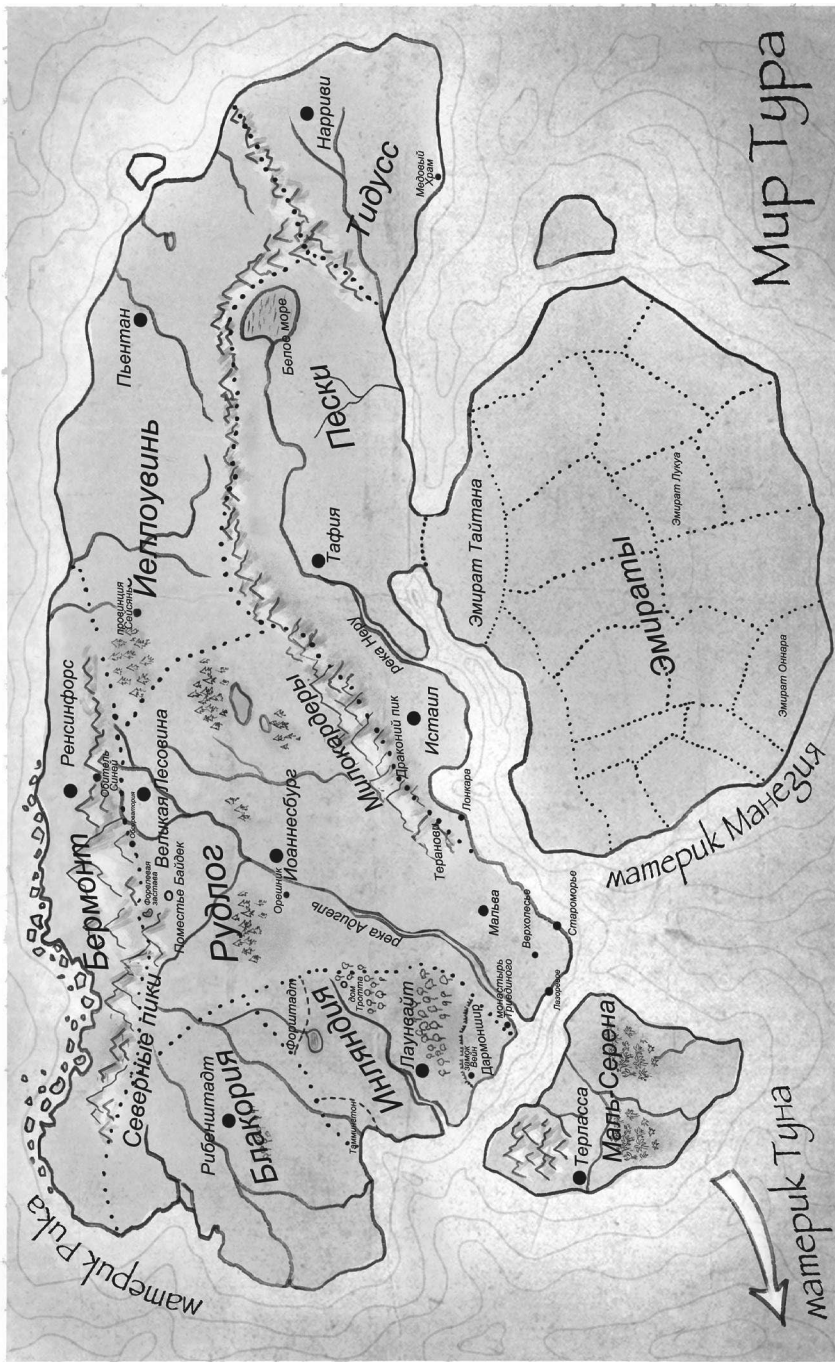
© Ирина Котова, текст, 2024
© Вероника Акулич, иллюстрации, 2024
© Анна Ларюшина, иллюстрации, 2024
© Елизавета Метлинова, иллюстрации, 2024
© Яна Кшановская, иллюстрации, 2024
© Алена Цой, иллюстрации, 2024
© Надежда Зуенко, иллюстрации, 2024
© Елена Сова, серийное оформление
и обложка, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ISBN 978-5-517-11484-6

Часть первая

Глава 1

Двадцатое апреля, Пески

Вей Ши

По зеленому лесу, выросшему там, где совсем недавно лежали раскаленные барханы, неслышно бежал тигр с красноватой шкурой.

Зверь был текуч и плавлен, а лапы его так мягко касались земли, что птицы не успевали в страхе выпорхнуть из гнезд, как он уже проносился мимо. Он был голоден, но охоту отложил до темноты, чтобы не тратить драгоценное время: днем видимость лучше, и можно пробежать больше.

В начале пути наследник йеллоувиньского престола сильно выматывался, но по прошествии нескольких дней окреп, и теперь заставлял себя останавливаться ночами, чтобы найти добычу и отдохнуть. Насытившись, Вей Ши оборачивался человеком и обязательно тренировался перед коротким сном: повторял комплексы упражнений, метал ножи, а затем медитировал, восстанавливая разум и тело. Все ради того, чтобы не упасть по пути от истощения. Чтобы там, куда он бежит, тело после обратного оборота слушалось не хуже, чем перед дорогой.

В первый же день после ухода из Тафии Вей добрался вдоль русла Неру до узкого места, где ныне находилась паромная переправа. Он переплыл реку и понесся под прикрытием леса вдоль старой до-

роги, по которой шагали верблюды с погонщиками, проезжали телеги, запряженные осликами, а иногда и автомобили то ли с беженцами, то ли с торговцами. Тракт этот шел к низкому горному перевалу, где сходились границы Песков, Рудлога и Йеллоувиня. Вей Ши сейчас уже отчетливо видел его низкое седло между крон деревьев: еще день, и страна драконов останется позади.

Сколько дней понадобится, чтобы пересечь Йеллоувинь и добраться почти до Бермонта, в провинцию Сейсянь, где, как следовало из видений девочки Рудлог, откроется портал в другой мир, Вей не представлял. Но он отчаянно, до глухого рыка в груди надеялся, что не опоздает. И так же отчаянно верил, что видение — это только вариант будущего и его можно изменить.

Потому Ши не пристало бояться, однако кислый привкус страха, появившийся, когда Вей смотрел с Каролиной Рудлог на смерть деда, только усиливался. Страх бежал следом, нагоняя наследника ночами, колот сердце ледяными иглами и заставлял бросать в небеса просьбы Желтому: чтобы первопредок помог добраться вовремя и предотвратить беду.

Тишина и одиночество обострили чувства Вей Ши, заставив вглядываться в себя — и он смотрел и не узнавал, словно вошел в Тафию одним человеком, а вышел другим. Все то, что раньше приводило в ярость, что выглядело в его глазах насмешкой и унижением, теперь казалось мелочью, не стоящей даже движения брови. Наоборот, ему не хватало ранних побудок в храме, служб и скудных трапез с остальными послушниками, неспешных разговоров со стариком Амфатом, физического труда и отрешенной работы с землей — наконец-то он понял, почему дед Хань Ши находил в этом удовольствие! А люди, которые так утомляли и раздражали Вея ранее, даже невыносимо болтливая девочка Рудлог, теперь вызвали снисходительное любопытство.

Хотя стремление к одиночеству никуда не делось — это было в характере всех Ши.

Только воспоминания о тяжелой руке Мастера до сих пор заставляли Вея скалиться и ускоряться, словно можно было оставить

их позади. И когда наследник вглядывался в себя в эти моменты, что угодно было в его душе, кроме смирения.

Он скучал по родным, но если раньше мысли о них окрашивались в цвета вины, обиды, ярости и гнева, то сейчас Вей будто перешагнул через желание стать идеальным Ши, доказать, что он достоин быть наследником, несмотря на порченную кровь. Теперь он хотел просто снова пройти по дорожкам дворца с отцом и дедом, без гордыни и пренебрежения принять ласку матери, поговорить с сестрами. Ощутить себя частью семьи. И не бояться, что больше не увидит того, кого почитал и любил сильнее всех людей на Туре.

То ли от голода, то ли от сосредоточенности, восприимчивость его усилилась стократно. Это началось еще до ухода из Тафии — с тех пор, как Вей научился медитировать, сенсорный хаос, из-за которого наследник не переносил людей, постепенно стих, будто с каждым выходом в транс вокруг него укреплялась защитная стена. Он не стал глух, но восприятие перестало быть болезненным.

Теперь же, когда нагрузка на органы чувств резко снизилась, в периоды медитаций ему начала открываться глубинная суть мира — то, о чем рассказывали отец и дед, но чего никогда не мог увидеть сам Вей. Он ложился на спину в лесу, полном ночных звуков и влажных древесных запахов, закрывал глаза и видел, как вокруг пульсирует, течет сплетение первоэлементов, образующих Туру — от буйного, пронизывающего все теплом огня до вечно покойной и холодной смерти.

Стихия Черного Жреца по сравнению с полноводными реками других стихий казалась тонким, застывшим ручейком. И даже неопытный Вей видел, что с каждым разом ее недвижимый, поглощающий сам себя поток становился все прозрачней: близился момент, когда он пропадет совсем. Замечал наследник и то, что не разглядел в первые разы — остальные стихии тоже слабели, текли медленнее, с усилием, словно вот-вот готовы были остановиться или развеяться.

Как жалел теперь Вей Ши, что не может обсудить увиденное с дедом или отцом, услышать их объяснение. Но сейчас он намеренно закрывался от внимания родных, потому что не хотел, чтобы его заставили вернуться.

Только единожды, в первый вечер после ухода из Тафии, он открылся — проверить, выбралась ли девочка Рудлог из ментальной лакуны, которую он создал в плату за информацию о деде. Но почти сразу услышал тяжелое: «Вей!», — и ощутил мысленное давление отца, повелевающее снять щиты и ответить.

Наследник, воспитанный в почтении и послушании старшим мужчинам семьи, на этот раз забаррикадировался наглухо и убежал с места обнаружения так быстро, как мог: отец при желании способен был к нему и проекцию послать. Больше Вей Ши не рисковал.

«Ты что, так меня и оставишь?» — вспомнил он гневный девичий голос и поморщился, мотнув тигриной башкой. Не стоило бросать ее одну в лакуне: она, конечно, выберется, но может запаниковать, все же Каролина Рудлог еще ребенок. Не стоило и разбрасываться словами: теперь, если он не вернется, чтобы сделать ей обещанный амулет с равновесником, а погибнет до этого, не будет ему легкого перерождения.

Но это было меньшим из того, что беспокоило младшего Ши.

Чувствовал Вей теперь и нутряные содрогания Туры, после которых по стихийным потокам шли невидимые возмущения. Пески они почти не затрагивали — эта земля была еще слишком полна сил после свадьбы Владыки и возрождения, — но и здесь Вей ощущал, особенно ночами, будто в глубине смещаются, спрессовываются, потрескивают слои. Все чаще доходила до него дрожь от движения горных цепей, близких и далеких — каменная шкура планеты шла едва заметной рябью, как у больного животного, — и с каждым днем напряжение стихий усиливалось, словно вот-вот Тура должна была разлететься на куски.

Одиночество открыло наследнику гигантский мир, величественный и мощный, полный внутренних связей, и Вей невольно учился слышать, ощущать и понимать его.

Уже под утро, когда над Песками только-только начал заниматься рассвет, наследник сквозь сон почувствовал, как от стихийной ряби, вновь прошедшей по слабеющей Туре, дрогнули незыблемые горные цепи от Йеллоувиня до Блакории.